

услышав от Су Чэ этот вопрос в стиле «зачем спрашивать о том, что и так знаешь», Ду Яо в ответ лишь нервно усмехнулся.

— Хватит болтаться языком, сначала переоденься.

У Ду Яо редко бывало хорошее настроение при общении с этими так называемыми наложниками. Напротив, Ань Циюань, когда пребывал в расположении духа, относился к ним гораздо мягче и приветливее. Однако Ань Циюань никогда не занимался повседневными мелочами вроде еды, одежды, жилья и передвижения — в таких случаях на арену всегда выходил Ду Яо, чтобы разобраться со всем лично.

Эта группа наложников смертельно боялась Защитника Ду — человека сурового, не склонного к шуткам и полностью контролировавшего их повседневный быт и расходы.

Пальцы Су Чэ, прятавшегося под одеялом, слегка подрагивали от чрезмерного напряжения, но он понимал лучше кого бы то ни было: перед лицом человека, способного стереть его в порошок одним движением мизинца, у него нет права на отказ.

Оцепенел поднявшись с постели, Су Чэ босиком встал на ледяной пол.

Заметив, что парень ведет себя вполне сговорчиво, Ду Яо знаком приказал служанкам подойти и помочь Су Чэ с переодеванием.

Увидев, как вперед шагнули пять-шесть молоденьких служанок, а та самая старшая горничная уже протягивает руку, чтобы развязать его пояс, Су Чэ остолбенел — вид девушек, казалось, ничуть не смущался из-за разницы в их поле и не выказывал ни малейшего недовольства.

Но сам Су Чэ смириться с этим не мог. Секта Цинъян являлась сектой культиваторов пути Дао, и все принятые в нее адепты без исключения были мужчинами. Точно так же обстоят дела и в Секте Эмэй, которая, будучи тоже последовательницей пути Дао, состояла исключительно из учениц-женщин. В конце концов, в культивации пути Дао ценилось очищение сердца и подавление желаний; если же принять в секту и мужчин, и женщин вместе, это неизбежно породило бы лишние проблемы. Поэтому как буддийские культиваторы, так и культиваторы пути Дао проводили крайне строгую гендерную границу. С тех пор как Су Чэ ступил на порог Секты Цинъян, он больше никогда не приближался к женщинам на столь близкое расстояние, а уж о том, чтобы служанки помогали ему одеваться, не могло быть и речи.

Сделав шаг назад, Су Чэ увернулся от протянутой руки служанки.

— Я сам. Вы все ступайте вон...

Воспользовавшись тем, что служанки все еще пребывали в растерянности, Су Чэ поспешно взял с подноса белые одежды.

Ду Яо же было важно лишь то, чтобы Су Чэ соизволил переодеться, остальное значения не имело. Кивнув, он велел служанкам удалиться, но сам уходить даже не думал.

Хотя на сердце у Су Чэ шевельнулось раздражение, Ду Яо тоже был мужчиной, так что ломаться было не перед кем. Су Чэ повернулся к нему спиной, собираясь побыстрее

облачиться в одежды.

На ощупь ткань точь-в-точь напоминала Шелк Небесных Шелкопрядов Набегающего Снега, из которого были сшиты его прежние одеяния, а когда он их стряхнул, фасон и все детали оказались скопированы один в один.

Су Чэ вздохнул и привычным движением натянул одежду.

К счастью, одеяния культиваторов пути Дао славились своей просторностью и удобством, но при этом сохраняли должную строгость. Они состояли из трех крупных частей: нижнего белья, внутренней мантии и верхнего халата. Они полностью закрывали тело от шеи и ниже, совершенно не оскорбляя взор, в отличие от того ночного халата на запах, что обнажал чуть ли не всю грудь, и давали хотя бы толику душевного спокойствия. Увидев, что Су Чэ привёл себя в порядок, Ду Яо больше не хотел терять времени и произнёс:

— Повернись-ка, дай взглянуть.

Следом за тем, как Су Чэ повернулся, Ду Яо редкостно прищурился.

То ли и впрямь срабатывала старая поговорка о том, что человека красят одежды, но в обычные дни этот Цин Янь выглядел сущим презренным игрушечным созданием, что лишь кичится баловством и благосклонностью хозяина. Кто бы мог подумать, что сегодня, облачившись в белые одежды и добавив к этому промелькнувшее на дне глаз выражение легкого нетерпения и отчужденности, он и впрямь неуловимо стал похож на того небожителя из Секты Цинъян, что не вкушает земной пищи.

Ощущая на себе оценивающий взгляд, который шарил по нему сверху донизу, Су Чэ всем телом чувствовал себя не в своей тарелке.

Однако не успел он сообразить, что именно сказать, как Ду Яо снова промолвил:

— Остались только волосы.

Не успел Су Чэ прийти в себя, как черные пряди, падавшие ему на грудь, мгновенно поседели.

— Ты...

Су Чэ немного опешил, но тут же заметил, что стоявший прямо перед ним Ду Яо выражает еще большее изумление.

— Чудеса да и только. Поначалу я опасался, что обман вскроется, но теперь сходство просто поразительное, донельзя похоже...

Ду Яо пробормотал что-то себе под нос, да так убедительно, что даже сам Су Чэ невольно поддался любопытству и поднял взгляд на отражение в бронзовом зеркале.

Су Чэ на мгновение растерялся, глядя на себя в бронзовое зеркало: облаченный в знакомые одежды, с серебристо-белыми прядями волос, он выглядел точь-в-точь как тот самый, до боли знакомый прежний он.

Хотя он отнюдь не страдал нарциссизмом, он всё же отчаянно тосковал по той оболочке,

которую обратил в пепел Гром Девяти Небес. Если это тело и впрямь оказалось столь невероятно похожим на его прежнее я, неужели Небесный Путь таинственным образом уготовил нечто особенное?

Су Чэ охватило непреодолимое уныние: раньше он был главой Секты Цинъян, чья база культивации достигала Пика Превращения в Божество, а теперь неловко превратился в содержанца заклятого врага — главы секты демонического пути Ань Циюаня...

Не успел он предаться горестным вздохам о непостоянстве мира, как Ду Яо перешел прямо к делу:

— Ступай со мной, сейчас же пойдешь к Владыке.

Услышав это, Су Чэ тут же занервничал и подсознательно вырвалось:

— Идти к Ань Циюаню?

Кто бы мог подумать, что едва слова сорвутся с губ, как в его сторону стрелой метнулся острый порыв ци. И хотя эта ци словно обрела глаза, она лишь едва чиркнула по его виску, не причинив вреда, а лишь срезав тонкую прядь волос в знак предупреждения.

— Ты только что дерзнул назвать меня по имени, и это уже великое неуважение, а теперь смеешь без умолку трепать имя Владыки? Жить надоело?

Не будь у него столь острой нужды срочно доставить этого Цин Яня к Ань Циюаню, тот самый порыв ци срезал бы не парочку ни о чём не говорящих волосков, а пронзил бы этому человеку горло.

Су Чэ молча стиснул зубы и снова опустил веки, не произнося ни слова. Ду Яо продолжил: Ты лучше кого бы то ни было знаешь, что месяц назад цзунчжу сошел с ума от обратного тока ци и лишь теперь немного успокоился, приняв Цветок Умиротворения Души. Но Цветок Умиротворения Души неизбежно влияет на его сознание, и память у него тоже спутана.

Цель, с которой я веду тебя к нему, — заставить тебя успокоить его буйный нрав, а затем... — Ду Яо заметно замялся. — Я и сам не знаю, что будет потом. В общем, твоя задача — сделать так, чтобы цзунчжу поверил, будто ты — это Су Чэ, цзунчжу Секты Цинъян. Какими бы методами ты ни пользовался, сделай всё, чтобы он снова не сорвался из-за помутнения рассудка и не устроил смуту, понимаешь?

Хотя у него уже возникли подобные догадки, когда он услышал правду из уст Ду Яо собственными ушами, Су Чэ безумно захотелось всадить кулак в эту бесячую физиономию.

Не выдержав, Су Чэ холодно усмехнулся: Я всего лишь ничтожный смертный, с чего бы мне притворяться Су Чэ? Статус смертного и статус практика видны с первого же взгляда. Неужели Защитник Ду считает цзунчжу глупцом, которого можно провести, подсунув кого попало?

Ду Яо ответил: Ничего удивительного, что ты не знаешь причин. Если бы Су Чэ оставался прежним Су Чэ, о том, чтобы ты выдавал себя за него, не могло быть и речи — ты бы даже не заслужил преклонить колени и завязывать ему обувь.

Просто месяц назад Су Чэ не смог пройти через Небесную Кару, пал на Пике Шаохуа, его плоть полностью уничтожена, и до сих пор неизвестно, жив он или мертв.

Утверждать, что ты — это он во плоти, абсолютно немыслимо; это невозможно, даже если рассудительность цзунчжу сейчас несколько ослабла из-за влияния Цветка Умиротворения Души. Но вот то, что плоть Су Чэ исчезла, а его божественное сознание вселилось в тебя, — такое вполне вероятно.

Хоть мощь Грома Девяти Небес и не поддавалась воображению, но Су Чэ всё же был грозной силой, от вознесения его отделял всего один шаг, поэтому наверняка все в Секте Цинъян перепробовали множество способов, чтобы защитить божественное сознание Су Чэ от разрушения.

В древних трактатах о диковинках тоже встречались упоминания о том, как после провала при прохождении скорби божественное сознание вселялось в человеческое тело, или даже в животных, или в деревья и травы. Теперь же он без всяких усилий заполучил человека, внешне неотличимого от самого Су Чэ, да к тому же потратил немало сил и применил Искусство Марионеток, чтобы вернуть его к жизни — было бы просто преступно не воспользоваться таким поводом.

Су Чэ не знал, плакать ему или смеяться, услышав столь высокую оценку «себя» из уст Ду Яо, но последовавшие за этим объяснения заставили его втайне содрогнуться.

Пусть этот Ду Яо сейчас всего лишь хотел найти кого-то, кто умиротворит эмоции Ань Циюаня, дабы предотвратить дальнейшее ухудшение ситуации, но подобранное им оправдание поразительным образом совпадало с реальностью!

Вот только, пожалуй, даже сам Ду Яо едва ли верил, что Су Чэ способен сохранить уцелевшей хотя бы нить божественного сознания при одновременном ударе Грома Девяти Небес, к тому же не было никаких иных признаков и доказательств, доказывающих, что душа в нынешнем теле принадлежит именно Су Чэ, а не Цин Яню.

Су Чэ вдруг встревожился: если Ду Яо на самом деле уже догадался о такой возможности, не значит ли это, что разоблачение его истинной личности — лишь вопрос времени?

Приняв эту неприятную мысль со всей стойкостью, хотя ему и жутко не хотелось этого, Су Чэ решительно настроился тщательно изучить всевозможные повадки и реакции этого обычного человека по имени Цин Янь, чтобы раньше времени не выдать себя и не оплошать.

Су Чэ заговорил дрожащим голосом: А что, если цзунчжу раскусит, что я вовсе не тот Су Чэ? Разве он тогда не разорвет меня на куски? Ты ведь уже говорил раньше, что он чуть меня не прикончил, неужели у меня останется шанс выжить, если такое повторится?

Ду Яо заранее предполагал, что Цин Янь станет сопротивляться: в конце концов, сколь бы жадным до богатства и славы ни был человек, он все равно боится смерти, а перед лицом практика стадии Божественной Трансформации смертному невозможно не испытывать страх.

Теперь и я сам заложник обстоятельств. Мало того, что я нарушил приказ и заставил тебя облачиться в белые одежды, так еще и покрасил тебе волосы — всё это изначально было равносильно поиску собственной гибели.

Молись богам и Будде, чтобы этот трюк позволил одурачить цзунчжу. Ну а если не выйдет — что ж, я, твой Защитник, стану для тебя подушкой безопасности, так что ты не в обиде.

Су Чэ покачал головой и, изобразив крайний страх, произнес: Какая мне польза от того, что твоя жизнь тоже пойдет прахом? Если я умру, то умру окончательно — неужели мне станет

легче от мысли, что ты тоже сдохнешь?

Видя, что тот только и делает, что мелет чушь и наотрез отказывается идти, Ду Яо почувствовал, как остатки его скудного терпения подходят к концу.

Хватит нести чертову херню. Если ты не пойдешь, я покончу с тобой прямо здесь. И разумеется, со всеми тремястами с лишним душами твоего клана Семьи Су в придачу. Что выбираешь?

Семья Су?

Сердце Су Чэ пропустило удар: неужели речь идет о Семье Су из Цзиньлина?

Хотя в душе рождались сомнения, Су Чэ боялся вызвать подозрения у Ду Яо, поэтому силой затолкнул все вопросы обратно.

До того как наставник привел его в Секту Цинъян для культивации, он происходил из старшей ветви влиятельного клана Семьи Су из Цзиньлина. Хотя с тех пор, как он обосновался в Секте Цинъян, минуло уже около сотни с лишним лет и с родом он практически не поддерживал связь, счастливые воспоминания юности, проведенной в Семье Су, навсегда привили ему теплые чувства к клану. Поэтому, даже когда его сородичи по роду давно упокоились в земле, он неизменно старался покровительствовать Семье Су.

Теперь, вспоминая об этом, он думал: раз этот Цин Янь внешне так сильно похож на него самого, быть может, дело как раз в их общем происхождении из одного рода?

Если Семья Су, о которой толковал Ду Яо, — это действительно его собственный клан, то он попросту не мог оставаться в стороне и закрывать глаза на гибель своих сородичей.

<http://bllate.org/book/20774/2084323>